

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 20–28.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 3 (84): 20–28.

Научная статья
УДК 94(47).083
DOI 10.37724/RSU.2024.84.3.003

Контрразведка штаба 6-й армии Северного фронта в Первой мировой войне (1915–1916 годы)

Вадим Олегович Зверев
Омская академия МВД России, Омск, Россия
zverevoma@mail.ru

Аннотация. Впервые в отечественной историографии российских спецслужб проведено конкретно-историческое исследование о месте и роли контрразведки штаба 6-й армии Северного фронта. Рассмотрен характер деятельности данного подразделения в период с 4 октября 1915 года по 1 апреля 1916 года. Автор приходит к заключению о значительных объемах, но не всегда существенных результатах проделанной контрразведчиками работы на «тайном фронте» борьбы со шпионажем. Выдвигается опровержение сложившегося в советской исторической науке недифференцированного и категоричного суждения о неудовлетворительной работе всех органов по борьбе с иностранным шпионажем на Восточном фронте Первой мировой войны.

Ключевые слова: контрразведка, 6-я армия, Восточный фронт, Первая мировая война, шпионаж, агенты, секретные сотрудники, разведывательные школы, германская разведка.

Для цитирования: Зверев В. О. Контрразведка штаба 6-й армии Северного фронта в Первой мировой войне (1915–1916 годы) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 20–28. DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.003.

Original article

Counterintelligence of the headquarters of the 6th Army of the Northern Front in the First World War (1915–1916)

Vadim O. Zverev
The Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs, Omsk, Russia
zverevoma@mail.ru

Abstract. This is the first attempt in Russian historiography to discuss activities of special services a concrete-historical study of the place and role of the counterintelligence staff of the headquarters of the 6th Army of the Northern Front. It shows the nature of the activity of this unit in the period from October 4, 1915 to April 1, 1916. The author comes to the conclusion about significant amount of activities, though not always resultative work done by counterintelligence officers on the “secret front” of their fight against espionage. The author refutes the undifferentiated and categorical judgment formed in the Soviet historical science about the unsatisfactory work of all bodies to combat foreign espionage on the Eastern Front of the First World War.

Keywords: counterintelligence, 6th Army, Eastern Front, World War I, espionage, agents, secret officers, intelligence schools, German intelligence.

For citation: Zverev V. O. Counterintelligence of the headquarters of the 6th Army of the Northern Front in the First World War (1915–1916). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 3 (84): 20–28. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.003.

Введение

19 июля 2024 года исполнилось 110 лет со дня начала крупнейшего в военной истории человечества вооруженного конфликта — Первой мировой войны. Многие десятилетия отдельные исследователи и их творческие объединения, а также научные и образовательные организации Минобрнауки России и Министерства обороны России, других государственных ведомств рассматривали самые разнообразные аспекты военного противоборства на Восточном фронте — от штабных замыслов до «окопных будней».

В отличие от достигнутых научных успехов в данном направлении изучение истории противостояния спецслужб военной поры по-прежнему носит фрагментарный и незавершенный характер. Имеются публикации, посвященные общим вопросам создания русских контрразведывательных отделений (КРО) и правовой регламентации их деятельности (см., напр., труды А. А. Здановича). В редких работах раскрываются характеристики агентурных мероприятий военных контрразведчиков (см.: Б. А. Старков, Н. С. Кирмель, В. А. Иванов). Ряд авторов заостряют внимание на освещении проблем контрразведывательного и жандармского реагирования на шпионские угрозы в тыловых районах Российской империи (см.: В. В. Синиченко, А. Н. Качкин, А. В. Перегулов).

И в то же время такая обширная проблематика, как организация борьбы с вражескими агентами усилиями военно-окружных, фронтовых, армейских, корпусных и крепостных КРО, их кадровый состав, методический инструментарий и практический опыт, малоисследованы или вовсе остаются за рамками научного познания. Свидетельством тому является наличие слабо-выраженного интереса со стороны историков спецслужб, а также сосредоточение десятков неосвоенных единиц хранения о контрразведывательной истории Восточного фронта Первой мировой войны в федеральных архивохранилищах страны (главным образом в Российском государственном военно-историческом архиве).

Между тем отечественная историческая наука, прежде всего в советское время, поспешила дать однобокий ответ на вопрос о значении русской контрразведки в великой войне. Так, в своих мемуарах бывший помощник командующего Двинским военным округом по гражданской части генерал-лейтенант П. Г. Курлов писал: «Не подлежит никакому сомнению, что организация [контрразведки] была безусловно необходима для борьбы с неприятельским шпионажем, но и эта специальная задача была исполнена очень неудовлетворительно, так как личный состав, занимавшийся этим и состоявший из строевых или запасных офицеров, не имел ни малейшего представления ни о сущности сыска, ни об его технической стороне, хотя некоторые офицеры и обладали юридическим образованием» (курсив наш. — В. З.) [Курлов, 1923, с. 204–205]. Другой автор, начальник кафедры разведки Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе полковник К. К. Звонарев, в чине унтер-офицера принимавший самое непосредственное участие в военных действиях на Восточном фронте, был не менее категоричным: «...за время войны русская контрразведка не раскрыла ни одной крупной организации германской разведки, хотя не одна сотня людей была перевешана» [Звонарев, 1931, с. 88].

Современная российская историография отечественных спецслужб также считает, что постановку контрразведывательной работы в годы Первой мировой войны в России нельзя признать успешной (однако эта позиция в сравнении с предыдущей отличается четкой и всесторонней постановкой смысловых акцентов). И если одни специалисты предпочитают лишь констатировать это утверждение (см.: [Хлобустов, 2007, с. 150]), то другие, по сути соглашаясь с подобным мнением, апеллируют к высказываниям Р. Г. Моллова, С. П. Белецкого, А. С. Резанова, Н. С. Батюшина и других крупных теоретиков и практиков в области контрразведки. К основным «изъянам системы организации контршпионажа» военных лет названные исследователи относили: малочисленность КРО и недостаточную квалификацию их руководителей; несогласованность действий начальников разведывательного и контрразведывательного отделений; проблемы взаимодействия КРО с губернскими жандармскими управлениями по вопросам производства последними следственных действий; недружелюбное отношение военной среды к жандармским чинам; отсутствие системы подготовки и повышения квалификации кадров; отсутствие центрального управления всеми КРО (см.: [Лубянка ... , 2007, с. 150, 152–154, 158, 159]). Лишь в статье В. А. Кирпиченко «Основные этапы развития российской разведки» предложено

противоположное умозаключение. Автор утверждает, что «российская контрразведка, в целом, справилась с возлагавшимися на нее задачами, как накануне [Первой мировой] войны, так и в ходе ее...» [Кирпиченко, 1999, с. 35–36].

Подытоживая сказанное, отметим, что мы не можем согласиться с умозрительной реконструкцией, представленной вышеупомянутыми очевидцами и участниками военного противоборства (в частности, П. Г. Курловым и К. К. Звонаревым). А мнение крупных ученых по истории царской контрразведки — В. С. Христофорова, Я. Ф. Погоня, В. К. Виноградова, А. А. Здановича, основанное на субъективных оценках руководства Департамента полиции МВД и тех старших офицеров и генералов, кто возглавлял и направлял борьбу со шпионажем, на наш взгляд, недостаточно убедительно. Причина этого заключается в том, что не было уделено пристального внимания соответствующим архивным материалам: делопроизводству фронтовых, армейских, корпусных, крепостных и военно-окружных КРО, и прежде всего тем первоисточникам, которые не введены в научный оборот. Между тем именно в переписках могли скрываться те или иные детали, способные упрочить достоверность, усилить научный вес изложенных авторитетных суждений или внести в них элемент сомнения либо же дополнить новыми подробностями. В некотором смысле голословными (в части, касающейся контрразведывательной истории Первой мировой войны) выглядят и рассуждения В. А. Кирпиченко. В названной выше статье он не обосновал свой положительный отзыв о деятельности контрразведки, подтвердив его ссылками на документальные сведения.

Исследователь В. А. Иванов предпочел другой путь. Изучая документы Архива УФСБ Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, он пришел к выводу о том, что, к примеру, контрразведка Северного фронта проделала «огромный объем работы» [Иванов, 2014, с. 295].

Обнаружив научный пробел или слабую доказательственную базу в отдельных трудах по истории контрразведки военных лет, мы предприняли попытку исследовать гипотезу о неэффективности деятельности контрразведки во время Первой мировой войны (ее основоположники — упомянутые ранее авторы, опубликовавшие свои воспоминания и научно-исторические размышления в 20–30-х годах XX века). Для достижения этой цели была собрана, систематизирована, обобщена и проанализирована ведомственная/межведомственная переписка органов контрразведки, хранящаяся в Российском государственном военно-историческом архиве, общим объемом которой превышает 1 050 листов. Тщательный подход к извлечению новых знаний из материальных носителей помог дифференцировать и конкретизировать место и роль в событиях военной поры вышеуказанных подразделений контрразведки. При этом более детально изучению была подвергнута деятельность одного из них — КРО штаба 6-й армии Северного фронта¹, чему и посвящена наша статья.

Основная часть

Формирование КРО штаба 6-й армии, предназначение которой с первых дней мировой войны заключалось в защите Петрограда, а также побережья Балтийского и Белого морей, началось лишь в мае и завершилось в сентябре 1915 года. Иными словами, в течение года — с июля 1914-го по июль 1915-го — главное стратегическое (оборонительное) направление оставалось без контрразведывательного сопровождения. Вряд ли нам удастся установить прямую корреляцию между данным утверждением и размерами шпионской активности, в частности со стороны германской разведки. Однако немалое число ее агентов, задержанных на севере и северо-западе российского государства, а если точнее, в районах дислокации 6-й армии, свидетельствует о том, что противник проявлял к ней и объектам, находившимся под ее защитой, настойчивый интерес. Ощущалась острая потребность в контрразведывательном органе.

Назначенный 23 мая 1915 года на должность начальника КРО штаба 6-й армии подполковник Михаил Матвеевич Федоров приступил к выполнению своих обязанностей по подбору кадров. Штат был укомплектован 13 сотрудниками, из которых 6 офицеров (ротмистры Л. М. Бантыш

¹ С начала Первой мировой войны 6-я армия именовалась отдельной армией, с августа 1915 года она находилась в составе Северного фронта, а с декабря 1916 года вошла в состав Румынского фронта (с переименованием в полевую армию).

и Г. К. Красильников, штабс-ротмистр С. К. Лахтинен (строевой офицер), поручик Н. П. Боболович (строевой офицер), прапорщики Н. Ф. Васильев и В. Г. Иванов (строевые офицеры)), 3 классных чина (прокурорские работники) и 4 чиновника для поручений [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 564. Л. 5]. Заметим, что М. М. Федоров и Л. М. Бантыш ранее занимали руководящие должности в жандармских управлениях, а Г. К. Красильников был прикомандирован из КРО 5-й и 12-й армий. Классные чины, в свою очередь, до войны занимали должности прокуроров и товарищей прокуроров Либавского окружного суда, а двое из так называемых «нештатных чиновников» успели послужить в КРО штабов Варшавского военного округа, 5-й и 12-й армий [Там же].

Каковы были профессиональные и психологические черты борцов со шпионами? В архивах сохранился уникальный документ — письмо М. М. Федорова (один из подписавших документ) на имя исполняющего должность генерала для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта полковника Н. С. Батюшина от 15 ноября 1915 года, в котором со ссылкой на сведения, полученные контрразведкой штаба 2-й армии от разоблаченных шпионов, говорится об их намерении убить ротмистра Красильникова [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 564. Л. 268]. В этой многозначительной фразе, наряду с реальной угрозой жизни, читается и другой смысл: признание противником заслуг «рядового» контрразведчика русской армии. Перед нами предстает образ реальной исторической личности — жандармского офицера-профессионала высочайшего уровня, которого остерегалась германская разведка и, прежде всего, руководство Либавской морской разведшколы и ее агенты-изменники России. Это заключение подвигло нас к поиску и сбору данных о Г. К. Красильникове в буквальном смысле «по крупицам». Полученный результат позволил составить его краткий психологический портрет: смелый, энергичный и деятельный офицер, имеющий аналитический склад ума, патриот-монархист.

Также нам удалось встретить редкие упоминания о качествах и способностях других вышеуказанных контрразведчиков, косвенно подтверждающие высокий уровень квалификации штабной контрразведки (характеристика прозвучала из уст вышестоящего начальства). Например, начальник штаба 6-й армии Северного фронта генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич и генерал для поручений при Главкоме армиями Северного фронта генерал-майор Н. С. Батюшин оставили о своих подчиненных такие одобрительные слова: «...ведет энергичную работу... умелую разработку весьма сложных вопросов по контр-разведке в пределах Финляндии, его знание финского, шведского, норвежского и датского языков служат бесспорным доказательством опыта и ценности» (штабс-ротмистр С. К. Лахтинен); «отличаясь отменным трудолюбием... и при своих приобретенных познаниях по агентуре... успешно ликвидирует возбуждаемые по г. Петрограду дела» (поручик Н. П. Боболович); «...талантливый, серьезный деятель контрразведки; занимается разработкой наиболее сложных и запутанных дел; им, как пример, ликвидирована контора по перестрахованию “Фейгин и Тотин”...» (прапорщик Н. Ф. Васильев) [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 564. Л. 134]. Генерал-квартирмейстер штаба 6-й армии Северного фронта генерал-майор Б. П. Баженов, в свою очередь, отзывался о нештатном помощнике начальника КРО В. Г. Иванове как об «одном из наиболее деятельных, знающих и опытных работников контр-разведывательного отделения Штаба армии, несущего усиленную и ответственную работу...» [Там же. Л. 174, 175].

Как видно, М. М. Федоров сумел набрать в подразделение сотрудников-профессионалов, большая часть из которых имела знания и опыт розыскной или уголовно-процессуальной деятельности по линии выявления военных шпионов, а также обвинения их в судебных инстанциях.

Руководство и аппарат армейской контрразведки (КРО штаба 6-й армии), разместившейся по адресу: город Петроград, улица Знаменская, 32, квартира 10, незамедлительно приступили к активным действиям по «обнаружению, обследованию, разработке и ликвидации в кратчайший срок всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших [русских] вооруженных силах...» (см.: [Галвазин, 2001, с. 78]). Выполнение именно этой задачи требовал от подчиненных подполковника М. М. Федорова параграф № 1 «Наставления по контрразведке в военное время» от 6 июня 1915 года. Что же было сделано? (Далее речь пойдет о результатах контрразведывательной деятельности в Петрограде и Лифляндской губернии.) И можно ли учесть штабных контрразведчиков 6-й армии в непрофессионализме, а результаты их борьбы со шпионажем признать «очень неудовлетворительными» (эта фраза, напомним, была произнесена устами П. Г. Курлова)?

В первые месяцы своего функционирования контрразведчики осуществляли кропотливую работу по подбору и приобретению агентуры. В период с 1 августа по 6 ноября 1915 года сотрудники отделения завербовали 4 «вспомогательных секретных сотрудников» (один из них приобретен еще 26 августа 1914 года), в октябре-ноябре — 17 «секретных сотрудников», и еще 20 «осведомителей» приняли на службу с апреля по ноябрь 1915 года [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 564. Л. 10]. К началу января 1916 года в штате КРО был образован филерский отряд численностью 64 человека², из них: 1 заведующий наружным наблюдением, 16 старших агентов и 47 филеров [Там же, л. 112].

Исследование внутриведомственной переписки (письма фронтовых, армейских, корпусных и крепостных органов контрразведки, а также КРО военных округов) подвигло нас к выводу о масштабных и серьезных мерах реагирования, предпринятых контрразведчиками штаба 6-й армии. Судя по имеющимся в нашем распоряжении семи «Сводкам сведений о деятельности Контр-Разведывательного Отделения Штаба 6-й армии» (отчетный период с 4 октября 1915 года по 1 апреля 1916 года), ими была проделана следующая работа (подсчитано автором статьи по: [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 93. Л. 37, 66, 131, 204, 212, 220, 269, 280]):

1. В отдаленные губернии, согласно статье 19 «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении», высланы 29 человек (в частности, по основаниям: «финансирование германских фирм»; «изобличен в скупке золотых монет»; «за составление подложного письма шпионского характера»; «изобличен в германофильстве»; «изобличен в возможной причастности к шпионству»; «за участие в проповедях в баптистских сектах»; «неблагонадежный бывший разведчик штаба армий Западного фронта»; «изобличен в сношениях с неприятельскими подданными»; «установлены близкие родственные связи с лицами, находящимися в германской армии»).

2. Возбуждено 5 дознаний (1 — Григорьева, 1 — Г. Стембак, 1 — И. Кальхерт и А. Крон-таль, 1 — К. Мочульский, 1 — К. Заузе), которые переданы прокурорам Петроградской судебной палаты и Московской судебной палаты для производства предварительных расследований по признакам преступлений, предусмотренным статьями 108 и 118 Уголовного уложения 1903 года³; возбуждено расследование в отношении шведского консула в Ревеле, подозревавшегося в шпионаже.

3. В военно-полевой суд штаба 42-го армейского корпуса, ввиду наличия несомненных улик, переданы материалы одного дознания о задержанных на побережье Балтийского моря Карле Клинге, Фердинанде Аудринге, Петре Лецхнеке и Федоре Клейб-Шмидте, изобличающие названных лиц в немецком шпионаже.

4. По подозрению в причастности к шпионажу «арестованы десятки человек», «проведены десятки обысков», в том числе в страховых обществах и других акционерных и прочих предприятиях.

5. Прекращена деятельность перестраховочной конторы «Фейгин и Тотин», работавшей в интересах Германии. Ее владельцы высланы на поселение в Иркутск.

6. Под наружным наблюдением в Петрограде ежемесячно состояло до 20 человек.

7. Один человек изобличен в заочном оскорблении самодержца Николая II; закончены и представлены в штаб Северного фронта дела о массовых побегам нижних чинов 179-го пехотного запасного батальона с передовой линии.

8. В КРО только в январе 1915 года поступило 1 979 входящих бумаг, исполнено же исходящих документов — свыше 2 900. Для сравнения, в феврале того же года поступило 2 277 бумаг, а исполнено 2 881.

Осмысление представленных полугодовых результатов работы штабного КРО 6-й армии позволило прийти к некоторым выводам.

Во-первых, контрразведчики приложили много разнохарактерных усилий, направленных на профилактику и предупреждение иностранного, главным образом германского, шпионажа, а также пресечение его отдельных проявлений в тыловых и фронтовых районах (и здесь

² Они несли двойную нагрузку, выполняя как разведывательные, так и контрразведывательные задания.

³ Напомним, статья 108 подразумевала «виновность в способствовании или благоприятствовании неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях», а статья 118 — «виновность в участии в сообществе, составившемся для учинения государственной измены».

мы солидарны с мнением В. А. Иванова, которое было озвучено ранее). Однако продуктивность этих усилий в количественном эквиваленте была невысока. Например, несмотря на широкое распространение «остзейского германофильства» (в том числе в стратегически важных городах и местностях побережья Балтийского моря), лишь немногие нелояльные подданные были удалены с театра военных действий. Так, насильственному перемещению в отдаленные губернии России подлежали немецкие бароны и пасторы эстонского, латышского и литовского происхождения (священникам инкриминировали «службу молебнов о даровании победы Вильгельму II»), а также бывшие разведчики русской армии, дискредитировавшие себя возможными связями с противником. Выдворялись и иностранцы — подданные воюющих с Россией держав, в том числе скомпрометировавшие себя визитеры из нейтральных (скандинавских) стран, причем неудачи русских войск летом-осенью 1915 года не стали поводом для форсирования принудительной высылки: будучи превентивным административно-карательным инструментом, она так и не приобрела в Лифляндии тотальный характер. Кроме того, практика инициирования дознаний по фактам шпионажа была немногочисленной, а передача дел этой категории прокурорам судебных инстанций — редкой. Немало усилий предпринималось «вхолостую».

Во-вторых, подчиненные М. М. Федорова порой занимались непрофильной (то есть несвойственной контрразведке) работой. Розыск дезертиров, проверка гостиниц и трактиров Петрограда на предмет пребывания в них нелегальных лиц, задержание беглых военнопленных и контрабандистов, реагирование на анонимные сигналы, «бумажная волокита» (объемная ведомственная и межведомственная переписка) и прочее отвлекали силы и средства контрразведки.

В-третьих, контрразведка не произвела ни одного задержания на сухопутной линии фронта (соответствующих архивных записей об этом мы не встретили). Те задержания, которые и были, имели, как правило, случайный характер и производились военнослужащими «окопных частей» (к примеру, пленение нижними чинами 70-й пехотной дивизии немецкого шпиона И. Б. Лапинского [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 515. Л. 83]). Остается лишь догадываться, действовала ли там контрразведка и придавали ли ее агенты этому участку работы особое значение. Отсутствие особых прифронтовых заслонов, затруднявших проникновение вражеских лазутчиков через передовые позиции русских войск, сохраняло «бреши» в контрразведывательной блокаде стратегически важных тыловых (портовых, железнодорожных, промышленных) городов и прежде всего столицы Российской империи.

В-четвертых, оперативные мероприятия КРО штаба 6-й армии и подчиненных ему территориальных органов — КРО 42-го армейского корпуса, Кронштадтской и Выборгской крепостей — осуществлялись в рамках текущего законодательства (документальные факты о противоправной деятельности нам неизвестны). После окончания соответствующих разбирательств лица, арестованные по ошибке, вскоре освобождались (наглядным примером служит дело о чертежнике Петроградского металлического завода мещанине И. А. Гаврилове (январь-март 1916 год), заподозренном в хищении секретных военных чертежей [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 93. Л. 252, 256]). Также в архивных документах встречаем такое заключение, как: «произведенным расследованием подозрение в шпионаже и вербовке финнов для поступления в германскую армию не подтвердилось» [Там же, л. 287]. В общем и целом красной нитью через все ежемесячные отчеты контрразведки штаба 6-й армии проходит фраза «Значительное количество переписка закончено и прекращено без последствий для привлеченных к ним лиц». Это, безусловно, указывает на дифференцированный, персонифицированный и, что немаловажно, объективный характер действий контрразведчиков.

Помимо сводок сведений о деятельности КРО 6-й армии, о которых упоминалось выше, в многостраничном архивном деле № 93 мы обратились к весьма примечательному документу, озаглавленному как «Сводка сведений Контр-Разведывательного Отделения Штаба 6-й Армии об организации противником агентурной разведки по 1 декабря 1915 г.» [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 93. Л. 136–142]. На 13 машинописных листах, представленных рубриками «Общие основания», «Организации, ведущие работу, и их личный состав», «Вербовка агентов», «Прием работы», «Способы связи», «Лица, заподозренные в шпионстве», изложен подробнейший отчет о результатах германского шпионажа на участке 6-й армии. Контрразведчикам стали известны: цели и задачи шпионов, пути их проникновения в Россию; уровень квалификации; число и места нахождения разведшкол (города Тильзит, Либава, Стокгольм, Вильно), их руководство

и личный состав с поименным описанием индивидуальных профилей и особых примет; способы вербовки русских военнопленных, главным образом из числа магометан; приемы конспирации на русской территории, система шифрования отправляемых разведдонесений, и др. При этом уже к 7 августа 1915 года отделение М. М. Федорова обладало сведениями о разведшколе 2-й Неманской (германской) армии в Тильзите: ее руководстве и задачах, приемах перевоплощения [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 2. Л. 391]. К 4 ноября, благодаря признательным показаниям задержанных агентов, у контрразведчиков 6-й армии сложилось полное представление о специфике деятельности Либавского морского разведбюро [Там же. Д. 152. Л. 103].

Полученные оперативно-розыскным путем сведения о тайных замыслах противника и отдельных аспектах их реализации на петроградском направлении являются безусловным доказательством квалифицированности, энергичности, своевременности и успешности контрразведывательных мероприятий. О ценности и уникальности проделанной контрразведчиками работы говорит тот факт, что они были первыми в действующей армии на Восточном фронте, кто сумел добыть, обобщить, проанализировать и систематизировать информацию о немецком шпионаже (во временном диапазоне — с начала войны и до весны 1916 года). Столь крупная профессиональная удача, произошедшая уже через месяц после создания КРО, как мы полагаем, стала следствием умелых управленческих решений и личного участия подполковника М. М. Федорова.

Обнаруженные нами документальные свидетельства об организации КРО штаба 6-й армии и о результатах его деятельности в период с осени 1915 года по весну 1916 года показали полную несостоятельность умозаключений П. Г. Курлова и К. К. Звонарева. Прозвучавшая устами первого из них огульная критика в адрес всех армейских офицеров, боровшихся со шпионажем в годы Первой мировой войны, не имела никакого отношения к конкретным сотрудникам контрразведки, в частности к С. К. Лахтинену, Н. П. Боболовичу, Н. Ф. Васильеву и В. Г. Иванову. Они, в бескомпромиссных условиях военно-секретного противоборства, как следует из документальных источников, быстро овладели азами ранее незнакомого «ремесла», приобрели практический опыт выявления шпионов и вскоре стали разбираться в сущности сыска и его технической стороне не хуже, чем их сослуживцы — жандармские офицеры.

Не согласимся мы и с высказыванием К. К. Звонарева о том, что «за время войны русская контрразведка не раскрыла ни одной крупной организации германской разведки...». Изученные нами многочисленные архивные документы свидетельствуют об обратном. Так, при непосредственном участии КРО штаба 6-й армии была разоблачена деятельность шпионского сообщества инженера-технолога К. Э. Заузе. А, к примеру, контрразведчики 12-й армии выявили преступную организацию инженера М. Г. Розенкранца, которая состояла из 18 человек (ареал их функционирования — Рига, Москва, а также Дания и Швеция) [РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 896. Л. 8–16].

Наконец, завершая ретроспективную полемику с вышеназванными специалистами по истории отечественных органов правоохраны и государственной безопасности, главным образом с П. Г. Курловым, подчеркнем, что своим заключением о неудовлетворительной работе они бросили тень на все органы военной контрразведки периода Первой мировой войны (заметим, что их общее число составляло несколько десятков). Насколько такое заявление обосновано и соответствует исторической действительности? Мы допускаем, что столь суровый обвинительный приговор прозвучал в адрес конкретного контрразведывательного отделения или пункта, но применим ли он к КРО штаба 6-й армии Северного фронта?

Заключение

Результаты проведенного нами исследования показали, что армейская контрразведка осуществляла борьбу со шпионами на широком оборонительном рубеже: в Прибалтике, частично Финляндии, северо-западных губерниях России с центром в Петрограде. На этой площади был проделан огромный объем работы (широкий перечень контрмер), но лишь немногие ее итоги могут быть признаны существенными и способными затруднить и, тем более, единовременно парализовать усилия немецкой и (или) австрийской разведок (напомним, речь идет об успехах КРО, достигнутых в узком отчетном интервале: осень 1915 года — весна 1916 года). Пожалуй, к единственной, но безусловной победе следует отнести умелое и успешное изобличение задержанных шпионов, направленное на установление численности и специфики деятельности вра-

жеских разведывательных центров на оккупированной территории России, в частности, Либавской разведшколой (Либава). И здесь контрразведчики явно превзошли своих визави, о чем убедительно свидетельствует «охота», объявленная на Г. К. Красильникова.

В целом же показатели были невысокими и напрямую зависели от сложнейшей обстановки, в которой действовала армейская контрразведка.

Начнем с того, что, во-первых, ее штатное расписание формировалось в условиях Великого отступления, когда своевременный и обстоятельный выбор профессиональных кадров был практически невозможен. Наблюдался кадровый голод, из-за чего в течение пяти месяцев (с мая по сентябрь 1915 года) недоукомплектованное подразделение не могло бороться со шпионами в полную силу.

Во-вторых, суммарный личный состав КРО, включавший в себя петроградское отделение, группу подпоручика Пекка (место службы — Рига), группу подпоручика Г. К. Красильникова (место службы — Юрьев; зона обслуживания — Прибалтийский край), которыми руководил 1 начальник (М. М. Федоров), в количестве 43 сотрудников/работников, 64 филеров и более 100 агентов (значительная их часть функционировала в Петрограде и Риге), физически не мог обеспечить надежное контрразведывательное прикрытие 6-й армии (ее численный состав, по некоторым оценкам, в разные месяцы войны варьировался от 170 до 180 тыс. нижних чинов, офицеров и генералов), а также военную, военно-промышленную, военно-политическую и экономическую безопасность северо-западного региона России.

В-третьих, неудачи русской армии на Восточном фронте и ее отступление стимулировали не только пораженческие, а местами и паникерские настроения среди военнослужащих, но и рост шпиономании, который также не способствовал организации ритмичного, системного и адресного разоблачения вражеских разведчиков и предателей Родины.

В-четвертых, на захваченных оккупантами, прежде всего привислинских и отчасти прибалтийских, территориях контрразведчики утратили свои агентурные позиции: прифронтовое население, в том числе секретные сотрудники КРО, спасалось от войны бегством на восток; вербовочную работу порой приходилось начинать с чистого листа. Это обстоятельство не могло не внести элемент дезорганизации и непредсказуемости в планирование и реализацию оперативных мероприятий КРО.

И, в-пятых, избирательный и результативный подбор и приобретение агентуры среди финского и шведского населения Великого княжества Финляндского был практически невозможен. Сепаратизм, национализм и революционное брожение, распространявшиеся в финском обществе, а также консолидировавшая его идея национальной идентичности препятствовали выстраиванию индивидуально-доверительных контактов/связей с русской контрразведкой. Поэтому сотрудничество с национальными кадрами было явлением редким и порой носило малоэффективный и непродолжительный характер, основанный исключительно на материальной заинтересованности.

Собранный и проанализированный нами фактический материал позволяет признать работу контрразведки штаба 6-й армии в составе Северного фронта удовлетворительной. Контрразведчики сделали все, что от них зависело. Упомянутые выше показатели были достигнуты в условиях риска для жизни и здоровья, многозадачности, дефицита времени и, что самое главное, малочисленности сотрудников. Более того, наш вывод об ограниченных кадровых ресурсах конкретного КРО частично подтверждается приведенным в начале статьи мнением В. С. Христофорова, Я. Ф. Погония, В. К. Виноградова и А. А. Здановича.

Остается лишь добавить, что серьезнейшей проблемой, не отмеченной в историографии российской контрразведки Первой мировой войны, являлась ротация контрразведывательных кадров. На смену опытным руководителям и их сотрудникам/работникам в течение всей войны не раз приходили те, кто действительно «не имел ни малейшего представления ни о сущности сыска, ни об его технической стороне». Вот это и был очевидный и, на наш взгляд, один из основных «изъянов системы организации контршпионажа».

Список источников

1. Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. — М., 2001. — 192 с.
2. Звонарев А. А. Агентурная разведка. — М., 1931. — Т. 2 : Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. — 163 с.

3. Иванов В. А. Разведывательная работа германского Генштаба против армий Северного фронта и борьба со шпионажем в 1915–1917 годах (из документов Архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти) // Новейшая история России. — 2014. — № 3. — С. 292–311.
4. Кирпиченко В. А. Основные этапы развития российской разведки // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. — М. ; В. Новгород, 1999. — С. 20–24.
5. Курлов П. Конец русского царизма : воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. — М. ; Петроград, 1923. — 296 с.
6. Лубянка. Из истории отечественной контрразведки / В. С. Христофоров, Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов [и др.]. — М., 2007. — 368 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 2031. — Оп. 4. — Д. 2, 93, 152, 515, 564, 896.
8. Хлобустов О. М. Госбезопасность России от Александра I до Путина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2007. — 648 с.

References

1. Galvazin S. N. *Okhrannyye struktury Rossiyskoy imperii: formirovaniye apparata, analiz operativnoy praktiki* [Security structures in the Russian Empire: formation of the staff, analysis of operational practices]. Moscow, 2001, 192 p. (In Russian).
2. Zvonarev A. A. *Agenturnaya razvedka* [Secret Intelligence]. Moscow, 1931, vol. 2: German secret intelligence before and during the War of 1914–1918, 163 p. (In Russian).
3. Ivanov V. A. Intelligence work of the German General Staff against the armies of the Northern Front and the fight against espionage in 1915–1917 (from documents of the Archive of the UFSB of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad Region). *Noveyshaya istoriya Rossii* [Contemporary History of Russia]. 2014, iss. 3, pp. 292–311. (In Russian).
4. Kirpichenko V. A. The main stages of development of Russian intelligence. *Istoricheskiye chteniya na Lubyanke. 1997 god. Rossiyskiye spetssluzhby: istoriya i sovremennost* [Historical readings at Lubyanka. 1997. Russian special services: history and modernity]. Moscow, Veliky Novgorod, 1999, pp. 20–24. (In Russian).
5. Kurlov P. *Konets russkogo tsarizma: vospominaniya byvshego komandira korpusa zhandarmov* [The End of Russian Tsarism: Memories of a Former Commander of the Gendarme Corps]. Moscow, Petrograd, 1923, 296 p. (In Russian).
6. *Lubyanka. Iz istorii otechestvennoy kontrrazvedki. V. S. Khristoforov, Ya. F. Pogoniy, V. K. Vinogradov i dr.* [Lubyanka. From the History of Russian Counterintelligence. V. S. Khristoforov, Ya. F. Pogony, V. K. Vinogradov et al.]. Moscow, 2007, 368 p. (In Russian).
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (RSMA)]. F. 2031. Op. 4. D. 2, 93, 152, 515, 564, 896. (In Russian).
8. Khlobustov O. M. *Gosbezopasnost Rossii ot Aleksandra I do Putina* [State Security of Russia from Alexander I to Putin]. Moscow, 2007, 648 p. (In Russian).

Информация об авторе

Зверев Вадим Олегович — доктор исторических наук, доцент, полковник полиции, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Сфера научных интересов: военно-политическая история России первой четверти XX века (история иностранного шпионажа и отечественных спецслужб).

Information about the author

Zverev Vadim Olegovich — doctor of history, associate professor, police colonel, head of the Department of Psychology and Pedagogy in the Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Research interests: military-political history of Russia in the first quarter of the 20th century (history of foreign espionage and Russian intelligence services).

Статья поступила в редакцию 20.01.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted 20.01.2024; accepted for publication 06.05.2024.